
МАЙЯ
Девятая
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
ПОСЛЕ РАЗВОДА.
Соседи поневоле
18+

Майя Девятая

После развода. Соседи поневоле

«Автор»
2026

Девятая М.

После развода. Соседи поневоле / М. Девятая — «Автор», 2026

- Я хочу, чтобы ты никуда не уходила в слезах и соплях, - Вадим скрестил руки на груди, - Мы взрослые люди, Лина. Если ты хочешь развод, получишь. Но дом это общая территория, будешь жить в восточном крыле, я в западном. Будем, как соседи..Я смотрела на него и не узнавала.- Ты предлагаешь мне остаться жить с тобой под одной крышей после того, как ты мне изменил???- А у тебя есть выбор? - он усмехнулся, - Галерея моя, деньги мои. За учебу твою плачу я. Ты не потянешь без меня. Так что, дорогая, выбор прост. Или ты живешь здесь, как хозяйка восточного крыла, либо ты живешь на улице. Этот человек, который еще утром кормил меня клубникой, сейчас смотрел на меня, как на конкурента на переговорах. Холодно, расчетливо и жестко.- Ты чудовище, - прошептала я.- Я реалист, - он пожал плечами, - И даю тебе время подумать до вечера.Он вышел из спальни, хлопнув дверью.Я осталась одна.....

© Девятая М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 9
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Майя Девятая
После развода. Соседи поневоле

Глава 1

Лето ворвалось в спальню вместе с солнцем.

Наглое, золотое оно лезло сквозь неплотно задернутые шторы, ложилось полосами на белый постельный хлопок.

Вадим спал на животе, раскинувшись так, будто кровать принадлежала только ему. Черные, жгучие волосы разметались по подушке, ресницы, длинные, как у мальчишки, подрагивали во сне.

В тридцать он был еще красивее, чем в двадцать пять, когда мы только поженились. Жестче, взрослее и мужественнее.

Я не двигалась.

Любила эти минуты, когда он еще не проснулся, не уехал в свой офис, деловой, со стальным голосом и холодными глазами.

Сейчас он был просто мой Вадим, любимый мой муж.

На улице заливались птицы.

Где-то внизу, в саду цвели пионы, махровые, с тяжелыми бутонами, как зефир.

Я вдохнула июньское утро через приоткрытое окно, запах травы, нагретой земли и его цитрусового, дорогого одеколона, который летал в комнате.

Мы прожили с ним несколько лет, счастливых и нежных.

Для меня это был медленный путь спокойной и стабильной, семейной жизни.

Он шевельнулся, отвлекая меня от мыслей.

Не открывая глаз, он нашарил мою руку под одеялом и притянул к себе.

- Который час? - голос его был сонным и низким.

- Полвосьмого, - я провела пальцами по его плечу, - Ты обещал мне завтрак на веранде.

- Обещал, - он приоткрыл немного глаза, - Но, ты такая красивая утром, что я не могу оторваться.

Он перевернулся на спину, потянул меня к себе и крепко зажал в своих сильных объятиях.

Я уткнулась носом в его шею, пахло сном, теплом и мной.

Закрыла глаза и подумала: “Вото оно, счастье!”

Но тут же в этих запахах я уловила еще какой-то, чужой, еле уловимый, но, в тоже время, стойкий и сладковатый.

- Вадим, - я поцеловала его в шею, - Ты вчера вернулся в три часа ночи, почему так поздно? Я тебя ждала пораньше.

- Тендер, я же говорил, - он зевнул, не открывая глаз.

- Ты как-то пахнешь…не так.

Это вырвалось раньше, чем я подумала.

Он напрягся на секунду, неуловимо, как зверь, который учуял опасность.

Потом рассмеялся, легко и провел рукой по моим волосам.

- Ты придумываешь, я душ принимал перед сном. Чем я могу пахнуть?

Я не ответила.

Действительно, чем?

Может показалось?

Он встал первым, накинул халат и ушел на кухню готовить тот самый обещанный завтрак. Я осталась в кровати, слушая, как он гремит посудой, как включает кофемашину и напевает что-то себе под нос.

Такой домашний, и такой мой.

Я встала, натянула тонкий шелковый халат, вышла на веранду босиком.

Деревянный пол нагрелся за утро, ступням было горячо и приятно.

Сад утопал в зелени, наш сад, который мы посадили в прошлом году: гортензии, розы, лаванда вдоль дорожек.

Вадим уже колдовал около гриля.

На нем были только льняные шорты и фартук.

В тридцать он выглядел как греческий бог, сошедший с полотна.

Широкие плечи, узкие бедра, накаченный торс,татуировка на предплечье, компас, который он набил в честь нашей свадьбы.

“Чтобы находить всегда дорогу домой” - сказал он тогда.

Мне не давал покоя этот еле уловимый запах от его тела.

Смотрела на этот компас и во мне почему-то появилось чувство беспокойства.

- Омлет с трюфелем? - он обернулся и подмигнул. - Или может, панкейки?

- Панкейки, - улыбнулась я, - С кленовым сиропом.

- Ты моя сладкая, - он подошел ко мне и чмокнул меня в висок.

Сладкая.

Странное слово, он редко меня так называл.

Обычно Лина, любима, жена.

А тут, вдруг, сладкая.

Я села за деревянный стол, поджала под себя ноги и любовалась, как Вадим готовил для нас.

Июньское солнце блестело на его волосах, ласточки чертили круги над крышей.

Хорошо, так хорошо, что стало страшно.

Завтрак мы поели в тишине, не напряженной, а той, какая бывает между людьми, которые знают друг друга наизусть.

Он кормил меня клубникой, панкейками в сиропе, который капал мне на халат.

Потом Вадим ушел в душ, а я осталась убирать со стола.

После прошла в спальню, на стуле висела его рубашка и брюки, которые, видимо, он снял вчера, когда пришел.

И вот тогда, это случилось.

То, о чем я даже и думать не могла.

Я подняла вещи со стула, чтобы их повесить в шкаф.

И в этот момент из брюк выпала маленькая женская заколка, из перламутровой пластмассы, с мелкими стразами.

Это была не моя заколка, у меня абсолютно другие аксессуары.

Заколка пахла сладко, жасмином с ванилью.

Мое сердце затрепыхалось, как дикая птица в клетке.

Стало тяжело дышать.

Я села на кровать, сжимая чужую вещь в ладони.

Почему она была в кармане его брюк?

Как она там оказалась?

Может купил мне в подарок?

Нелепый, не в моем стиле, но милый.

Я засунула руку в его карманы, посмотреть нет ли там еще чего-нибудь.

Один пуст.

А во втором я нащупала ткань, тонкую ткань и потянула ее.

Это был шелковый платок, маленький, лавандовый.

Тончайший шелк, французский, дорогой.

По краю платка были вышиты инициалы “В+С”

В+С. Вадим и..

На платке запах, тот же, что и на заколке.

Жасмин с ванилью, сладкий, приторный и чужой.

Никаких сомнений не было, что это не мои духи и не его одеколон.

Это пахло другой женщиной.

Перед глазами все поплыло.

Я прислонилась к шкафу, сползла на пол, сжимая в одной руке заколку, а в другой платок.

В голове проносились обрывками мысли о его задержках, о его “я устал”, его телефон, который он теперь носит всегда с собой.

Его участившееся равнодушие в постели последние недели.

Думала, что это стресс.

Работа, кризис в браке, который мы перерастем.

Оказалось, что все дело в другой.

Как ее зовут?

Где он с ней познакомился?

Долго ли это длится?

Месяц, два?

А может быть, с зимы?

С последней командировки он вернулся загорелый и почему-то с новыми трусами.

Тогда он сказал, что они ему сильно понравились и он купил их, чтобы мне показать.

Меня начало тошнить, от мыслей, от запаха.

Я услышала, как в ванной перестала литься вода.

Вадим выходил, через минуту он войдет в спальню и увидит меня на полу с его уликами в руках.

Дверь открылась.

Вадим стоял на пороге в одном полотенце, с мокрыми волосами, по его телу скатывались блестящие на солнце капли воды.

Он увидел меня, увидел платок.

Его лицо не изменилось, изменились глаза.

Они стали более темными и чужими.

Глава 2

Глава 3

Проснулась от запаха.

Кофе, свежий, молотый, тот самый, который мы купили в маленькой итальянской лавке, с нотками шоколада и апельсиновой цедры.

Я очень хорошо знала этот запах, сама варила его почти каждое утро два года.

Сегодня его варил он.

Лежала в кровати, смотрела в потолок и слушала звуки, доносящиеся с западного крыла дома.

Где-то там он делал себе завтрак.

Интересно, что он ест?

Раньше я готовила для нас обоих.

Омлет с помидорами черри, тосты с авокадо, свежевыжатый апельсиновый сок.

Он говорил, что лучше меня не готовит никто.

Наверно уже тогда врал.

Встала, натянула джинсы и майку, спустилась вниз, как мышка.

Не хотела его встречать, но когда я заглянула в кухню, его уже там не было.

Только чашка на моем месте..и записка.

Подошла ближе, взяла чашку.

Теплая, он знал, что я встаю в половине девятого, рассчитал время.

На листке бумаги было написано:

Твой кофе, с молоком и без сахара. Я помню.

Я сжала бумагу в кулаке.

Он помнит, вот черт.

Он все помнит.

Как я пью кофе.

Как люблю, когда окно в спальне открыто настежь.

Как засыпаю только на правом боку.

Как смеюсь, когда он меня щекочет.

Он помнит, так зачем изменил?

Выбросила записку в мусорное ведро, но кофе выпила, до последней капли, потому что оно было идеальным.

Вечером в пятницу я сидела на скамейке, той самой, под старой яблоней , где мы целовались впервые.

Читала книгу, которую не могла понять уже третью страницу, мысли разбегались.

Он появился неожиданно.

Вышел из дома с бокалом красного вина, на ходу застегивая манжеты рубашки.

Собирался куда-то.

Увидел меня и остановился.

- Привет, - сказал он негромко.

- Привет.

- Хорошо выглядишь, как всегда.

Я не ответила, потому что если бы сказала правду в ответ, то призналась бы, что он выглядит так, что у меня пересыхает во рту.

Светлая рубашка, темные брюки, легкая небритость.

Глаза, которые смотрят так, будто я единственная женщина на свете.

Врет, снова врет.

- Ты куда-то собрался? - спросила, чтобы нарушить тишину.

- Ужин с партнерами, вернусь поздно.

- Ждать не буду.

- Ну я и не ожидал этого.

Вадим постоял еще секунду, будто ждал, что я скажу что-то еще, но я промолчала.

Он ушел.

Осталась одна в саду, с книгой, которую не читала, и с мыслью, которую не могла выкинуть из головы:

С кем он на самом деле ужинает? С партнерами или с ней?

Я ненавидела себя за эту мысль и не могла ее остановить.

Три часа ночи.

Не спала, лежала в темноте и смотрела в потолок, считая удары своего сердца.

Где-то в западном крыле хлопнула дверь, он вернулся.

Тишина, потом шаги, не в его сторону, а в мою.

Я замерла.

Шаги приближались, медленные, чуть нетвердые.

Он выпил, я слышала это по походке.

Остановился у моей двери.

Молчание.

Не дышала, надеясь, что он уйдет.

Может просто заблудился в коридоре, дом большой, легко перепутать.

В дверь тихо постучали.

- Лина, - его голос был хриплым, - Не спишь?

Я молчала.

- Я знаю, что не спишь. Я слышу, как ты ворочаешься. Ты всегда так делаешь, когда не можешь уснуть, - пауза, - Открой, пожалуйста.

Пожалуйста снова, второй раз за неделю.

Мне кажется, он говорил это только в ЗАГСЕ, когда надевал мне кольцо на палец.

Медленно встала, подошла к двери, прислонилась к ней лбом.

Нас разделял сантиметр дерева, но казался непреодолимым.

- Чего ты хочешь, Вадим?

- Поговорить.

- Поговорили уже, в тот день.

- Я не договорил тогда, я наговорил много гадостей, потому что испугался. А теперь…

- А теперь что?

- А теперь я протрезвел, - его голос дрогнул, - Я один без тебя, и мне страшно.

Я закрыла глаза, мое сердце сжалось в комок и билось где-то в горле.

- Тебе не должно быть страшно. Ты сильный, успешный, у тебя есть она.

- Нет у меня никого, - глухой удар, он прислонился к двери с другой стороны, теперь нас разделяли только два слоя лакированного дерева, - Только ты, всегда была только ты. Я облажался, я козел, я знаю…но я не хочу, чтобы ты была моей соседкой. Я хочу, чтобы ты была моей женой, настоящей и единственной.

Слезы хлынули сами собой, я закусила губу, чтобы не всхлипнуть.

- Ты не имеешь права, - прошептала я, - Ты не имеешь права так говорить после того, что сделал.

- Знаю, - он тоже говорил шепотом, но я слышала каждое его слово, - Не имею, но говорю, потому что если промолчу, то потеряю тебя навсегда.

- Ты уже потерял.

- Нет, - он стукнул в дверь ладонью, я немного отстранилась от нее, - Если бы потерял, ты бы уехала, но ты осталась.

- Потому что у меня нет денег на съем, - выдохнула я.

- Врешь, - мягко сказал Вадим, - Ты могла бы занять у Карины, у мамы, в конце концов, у меня…я бы просто дал. Я же знаю, ты осталась потому что…

- Не смей договаривать, - вырвалось у меня.

- …потому что тоже не хочешь меня терять.

Я отшатнулась от двери, как от огня.

- Уходи, Вадим.

- Лин…

- Уходи сейчас, или я закричу.

Тишина, секунда, другая.

- Хорошо, - услышала я его отдаляющийся голос, - Но я не сдамся, поняла? Ты меня знаешь.

Шаги удалились по коридору, хлопнула дверь и наступила тишина.

Сползла по двери на пол, обхватила колени руками и заплакала.

От обиды, от злости и от того, что он был прав.

Я осталась не потому что у меня нет денег.

А осталась потому, что без него задыхаюсь.

Утром в субботу спустилась на кухню в десять, нарушив собственное расписание, потому что не могла больше лежать в постели.

Он сидел за столом в спортивной одежде, только что с пробежки.

Весь мокрый, раскрасневшийся, пахнущий потом и свежестью одновременно.

Он поднял голову, я увидела, что он не выспался, тени под глазами, тяжелый взгляд.

- Кофе? - спросил он.

- Нет.

- Сядь.

- Не хочу.

- Лин, сядь, пожалуйста.

Третье пожалуйста за неделю, вот это да.

Села напротив него.

Он немного помолчал, потом заговорил, глядя в стол:

- Я хочу, чтобы ты знала правду. не ту, которой я кормил себя и тебя, а настоящую.

- Вадим, не надо…

Глава 4

- Надо, - он поднял глаза, красные, воспаленные, - Она забеременела…Соня. Два месяца назад, сказала, что от меня, я поверил, испугался. Начал бегать от тебя, потому что не знал, как сказать. А потом…

- Что... потом?

- Потом оказалось, что не от меня. От своего бывшего, который вернулся у ней. Я был просто прикрытием, удобным дураком.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

- Ты хочешь сказать, что все это из-за беременности, которая оказалась не твоей??

- Я хочу сказать, что я идиот, - он провел ладонью по лицу, - Я купился на ложь, потому что проявил слабость. Потому что мы с тобой отдалились, потому что я перестал чувствовать себя нужным. А она мне это чувство дала, искусственное, фальшивое, как дешевые духи.

- А ребенок?

- Она сделала аборт, сказала, что от бывшего не хочет. Я уволил ее, в тот же день, когда ты узнала…

Тишина, я смотрела на него… на человека, которого ненавидела неделю назад, который разбил мою жизнь на тысячу осколков.

И видела перед собой не монстра, не подлеца, а просто очень глупого мужчину.

- Почему ты мне не сказал сразу? - спросила я.

- Потому что я струсил. Потому что боялся, что не поверишь. Потому что правда делает меня не героем трагедии, а жалким дураком, которого развели, как мальчишку.

Я молчала, долго молчала. Так долго, что тишина уже начала резать уши.

- Я не знаю, что с этим делать, - сказала наконец.

- Ничего и не делай, - он встал, - Просто знай, остальное время…

Он вышел из кухни.

Я осталась сидеть за столом, глядя на его пустую чашку, и понимала, что прощать его, может быть, и не готова.

Но ненавидеть уже не могла.

А это было страшнее ненависти.

Вечером того же дня.

Солнце садилось за верхушками сосен, окрашивая сад в оранжево-розовый цвет.

Я стояла на веранде, сжимая в руках бокал с белым вином, и смотрела на закат.

Вадим вышел с другой стороны, увидев меня на секунду замер, решая подойти или уйти.

Подошел ко мне, встал рядом, но на расстоянии вытянутой руки.

- Красиво, - проговорил он.

- Да, очень.

- Я скучаю по этому, - он показал на сад, на дом, на закат, - По тому, как ты стоишь здесь, любимая и очень красивая. Казалось, что это будет всегда.

- Видимо, всегда не бывает, Вадим.

- А если я хочу, чтобы с тобой все было снова?

Повернулась к нему, в последних лучах солнца его лицо казалось еще более молодым, почти мальчишеским и беззащитным.

- Не знаю, - честно ответила я, - Я такое не умею прощать.

- Я не прошу прощать, я прошу дать шанс.

- Чем ты его заслужил?

Он ответил не сразу, протянул свою руку к моей, медленно, взял за пальцы, я не отдернула, просто не смогла.

- Тем, что без тебя не могу дышать, - сказал он, - Тем, что готов ждать, месяц, год, десять лет. Готов быть просто соседом, если ты не захочешь большего. Готов смотреть закаты из-за угла вместе с тобой, если ты не пустишь меня на веранду. Но я не уйду, никуда и никогда.

Слезы снова подступили к глазам, я выдернула пальцы.

- Красиво говоришь, Романцов. Но словами сыт не будешь.

- А делами? - он шагнул ближе, - Что мне сделать,чтобы ты поверила?

Посмотрела на него, на этого мужчину, который мне разбил сердце, а теперь стоял передо мной с таким видом, будто готов разбить его снова, но уже по-другому.

Чтобы потом собрать заново.

- Покажи, - сказала я, - Каждый день, каждый час…докажи, что ты не тот, кем был четыре месяца.

- Я докажу, - сказал он твердо и ушел в дом.

Ушел в дом, оставив меня одну на веранде, с бокалом в руке и с сердцем, которое колотилось как бешеное.

Закат догорал.

Где-то внутри дома хлопнула дверь.

А я все стояла и смотрела на звезды, которые появлялись одна за другой на летнем небе.

Соседи поневоле.

В одном доме, на разных половинах.

*****

Я подала на развод через десять дней после того, как не уехала.

Карина, моя подруга, и адвокат, приехали в особняк с целым портфелем документов.

Мы зашли в дом и разместились в восточном крыле.

- Ты уверена? - Карина смотрела на меня поверх очков, - Еще не поздно все изменить.

- Уверена.

- Он будет сопротивляться, у него лучшие адвокаты в городе.

- Пусть, - я взяла ручку, - Я не прошу у него ничего. Ни денег, ни дома, ни бизнеса. Я просто хочу быть свободной.

- Свободной в его доме? - Карина подняла бровь.

- Временно, - я пожала плечами, - Пока не встану на ноги.

Я подписала заявление.

Карина упаковала папку в сумку, поцеловала меня в щеку и они с адвокатом вышли из комнаты.

В коридоре они встретили Вадима, я слышала их разговор сквозь неплотно прикрытую дверь.

- Вадим Романцов?

- Да, - его голос был напряженным.

- Вам вручат повестку в ближайшие дни, советую не препятствовать.

- Я и не собираюсь, - ответил он, - Передайте Ангелине, что я не буду оспаривать развод. Но и подписывать его прямо сейчас тоже не буду.

Хлопнула дверь, наступила тишина, все ушли.

Я чувствовала как рушится мой мир, уже второй раз за такой короткий промежуток моей жизни.

Первый, когда я нашла платок с заколкой, а второй сейчас, когда подписала бумаги.

Последующие три дня мы не виделись.

Вадим поймал меня в саду, когда я вышла поливать гортензии.

Летний вечер был теплым, пахло скошенной травой и цветами.

Он вышел из-за угла дома.

В руках был конверт, плотная бумага с гербовой печатью.

- Ты серьезно? - спросил он, потряхивая конвертом в воздухе.

- Вполне, - я старалась держаться спокойно.

- Ты могла бы сказать мне лично, а не через адвоката.

- Я тебе ничего не должна, - я отвернулась и продолжила поливать цветы.

- Лина, - Вадим подошел ближе, я чувствовала его запах, мужской, дорогой, с нотками цитруса и мяты, - Пожалуйста, просто поговори со мной, лицом к лицу.

Я выключила шланг и повернулась.

- Хорошо, давай. Ты хотел поговорить? Говори.

Он замер, не ожидая такой быстрой капитуляции.

- Зачем тебе развод? - спросил он, - Ты знаешь, что я не буду тебе мешать здесь жить, ты можешь делать, что хочешь, встречаться с кем хочешь…

- Я не хочу встречаться ни с кем, - перебила я его, - И не хочу жить в твоем доме на птичьих правах. Я хочу быть свободной, Вадим. По-настоящему, чтобы меня здесь ничего не держало.

- А со мной ты тоже хочешь, чтобы ничего не связывало?

- Ты сам разорвал все, когда ложился с ней в постель, - сказала я жестко.

Он опустил конверт, долго молчал, потом выпрямился и посмотрел на меня.

- Я не буду подписывать.

- Будешь, суд тебя обяжет.

- Суд будет идти месяцами, годами, если я захочу. Я затяну процесс, я найму лучших, я сделаю так, что ты устанешь ждать этот развод.

- Зачем? - я почти крикнула, - Что тебе даст этот брак кроме мучений для нас обоих?

- Ты даешь мне право надеяться, - сказал он, - Пока мы женаты, я могу верить, что ты вернешься. А как только подпишу бумаги, то потеряю тебя навсегда.

Смотрела в его глаза.

Они блестели.

Я знала этот блеск.

Он был не от слез или отчаяния.

Он появлялся тогда, когда Вадим проигрывал тендер или в каком-то важном споре.

Жесткая, сухая борьба с реальностью.

- Ты уже потерял меня, - я развернулась и пошла к дому.

- Лина! - крикнул он мне в спину, - Ты не сможешь…ты не сможешь меня забыть. Ты не сможешь спать в своей комнате, зная, что я за стеной.

Я не обернулась.

Но он был прав.

Каждой клеткой моего тела я понимала, что он прав.

Глава 5

Я шла в суд с одним желанием, мне хотелось, чтобы нас развели как можно скорее.

Желание не просто развестись и получить бумажку о том, что мы больше не муж и жена.

Хотела, чтобы он почувствовал ту же боль, которую чувствовала я каждую ночь, просыпаясь в холодном поту, чувствуя запах жасмина в носу.

Карина поправила мне воротник перед входом.

Ее руки дрожали, она переживала за меня.

- Держись, - сказала она, - Это всего лишь формальность.

- Конечно, - кивнула я.

Но это не было формальностью.

Это был конец.

Конец всему, что у нас было.

Конец надеждам, которые у нас были.

Вадим был уже внутри.

Он сидел на скамье слева.

Расправив плечи, я вошла в зал.

Я ожидала увидеть сломленного, морально раздавленного человека.

Но ошиблась.

Вадим сидел с прямой спиной, в идеальном темно-синем костюме.

Белая рубашка, запонки серебряные.

Волосы аккуратно уложены.

И каменное лицо, по которому было совсем непонятно, что он сейчас чувствует.

Его мать сидела рядом, в черном платье, в жемчугах, и с лицом, которое не выражало ничего, кроме презрения.

Она смотрела на меня так, будто это я ему изменила и была виновата во всех смертных грехах перед ее сыном.

Вадим поднял голову.

Я ждала боли в его глазах, умоляющего взгляда.

Хотя бы тени того отчаяния, которое терзало меня по ночам.

Ничего этого я не увидела.

Его глаза были спокойными и холодными.

- Здравствуй, Лина, - поздоровался он ровно.

- Здравствуй, Вадим, - я попыталась выглядеть такой же хладнокровной.

И все, больше ни слова.

- Встать, суд идет! - объявил секретарь.

Вошла судья, женщина с тяжелым взглядом и седыми волосами, села и начала листать бумаги.

- Дело о расторжении брака между Романцовой Ангелиной Сергеевной и Романцовым Вадимом Андреевичем, - она подняла глаза, - Истица настаивает на разводе?

- Да, ваша честь, - я встала, голос не дрогнул.

- Ответчик?

Вадим поднялся медленно, не спеша.

Как человек, который взвешивает каждое слово и каждое свое действие.

- Я не даю согласия на развод, ваша честь, - сказал он низким и уверенным тоном, - Но я признаю, что истица имеет на это право.

В зале зашептались, меня начало колотить мелкой дрожью, которую я пыталась незаметно унять.

- Вы признаете факт измены? - спросила судья.

- Да, ваша честь.

Его мать аж привстала со скамьи, открыв рот, как будто хотела что-то сказать.

- И вы не будете оспаривать решение?

- Не буду.

Судья сняла очки.

- Ответчик, вы понимаете, что ваше признание делает расторжение брака неизбежным?

Вадим посмотрел на меня в упор, без мольбы, без надежды, с тихим мужским принятием того, что он сам разрушил.

- Понимаю, ваша честь, - он чуть склонил голову, - Я изменил и готов заплатить любую цену за это. Но я не буду врать ни суду, ни себе, ни Лине.

Я смотрела на него и внутри меня что-то переворачивалось с ног на голову.

Не так, как я хотела…вернее я хотела развода.

А теперь было ощущение какого-то проигрыша.

Хотела, чтобы он бился, умолял.

Сейчас я с ужасом понимала, что хотела его унижения.

Ответного унижения.

За то, что он меня предал.

А он стоял и принимал удар спокойно, с достоинством.

Как мужчина, который проиграл честный бой.

- Ваша честь, я избавляю суд от необходимости изучать доказательства. Я признаю свою вину в полном объеме. Брак расторгается по моей вине. Я не буду оспаривать раздел имущества.

Его мать вскочила.

- Вадим! Ты что такое говоришь…

Он ее одернул и она села, сжав губы в нитку.

- Учитывая признание ответчика, - судья взяла гербовую печать, - брак между Романцовой Ангелиной Сергеевной и Романцовым Вадимом Андреевичем считать расторгнутым немедленно.

Печать ударила по бумаге.

Все.

Пять лет в один удар.

Я стояла и смотрела на него.

А он смотрел на меня.

- Свидетельство будет готово через пять дней. Стороны свободны.

Свободны.

Чувствовала себя так, как будто мне вырезали кусок сердца, прямо здесь и сейчас, без анестезии.

Вадим встал, застегнул пиджак и подошел ко мне.

- Лина, я не буду тебя ни в чем ограничивать, ты свободна. Можешь делать что хочешь, можешь жить где хочешь. Я не выгоняю тебя, это было бы подло даже для меня.

Он вышел из зала, не оглядываясь.

Прямой, как струна.

Смотрела ему вслед и чувствовала, как слезы жгут глаза, а боль раздирает душу.

Победа…

Но почему же она была хуже, чем поражение?

В особняк он приехал раньше меня.

Сидел в гостинной, на кожанном диване, там где мы обычно смотрели фильмы по вечерам, где я засыпала у него на плече.

Пиджак был снят, брошен небрежно на кресло, стоящее рядом.

Рукава рубашки закатаны, галстук развязан.

На столике перед ним стояла бутылка виски и один бокал.

Я вошла тихо и встала в дверях.

- Заходи, - сказал он, не обернувшись, - Ты можешь пользоваться всем в этом доме, пока не найдешь себе жилье.

- Я не собираюсь искать жилье, - вдруг сказала я, сама не ожидая от себя такого ответа.

Он повернулся, в его глазах пролетела искра.

- Тогда живи здесь, я непротив.

- Ты хочешь, чтобы я осталась? - зачем-то спросила я.

- Я хочу, чтобы ты делала то, что считаешь правильным, - он сделал глоток виски, - Ты хотела развода, ты его получила. Ты хочешь жить в моем доме, живи. Если хочешь уехать уезжай. Я не держу тебя.

- А если я останусь, ты не будешь меня ни в чем ограничивать?

- Нет, я же сказал.

- А если я приведу кого-то? - я себя не узнавала, откуда такая смелость.

Вадим замер, спина напряглась и скулы заходили ходуном.

Спустя несколько секунд он ответил.

- Приводи, ты свободная женщина, Лина. Делай, что хочешь.

Он поставил бокал на столик, поднялся и повернулся ко мне всем корпусом.

У меня подкосились ноги, когда он приблизился почти вплотную.

Его дыхание было горячим, он поднял руку и положил мне на плечо.

- Мы теперь свободные люди, Лин. Только от развода тебе легче не станет, поверь.

Он убрал руку с моего плеча и пошел на второй этаж.

Нет таких слов, чтобы передать сейчас мое состояние.

Что вообще происходит с моей жизнью?

Я получила развод, и , правда, думала станет легче.

А стало еще хуже на душе, в тысячу раз.

Мой бывший муж либо великий манипулятор, либо на самом деле ему стало все равно.

Глава 6

Первая неделя после развода стала адом, который я сама себе построила.

Я осталась в его доме, в восточном крыле.

Он не выгонял, не ограничивал, не трогал меня.

Он просто исчез из моей жизни, оставаясь всего лишь в двух шагах.

Я не хотела быть слабой.

Но, каждую ночь, лежа в темноте, чувствовала себя самой слабой женщиной на свете.

Он просто сказал: “Делай, что хочешь.”

Это было хуже криков, хуже любой сцены ревности, хуже, чем бы он выгнал меня.

Я не могла решиться и уехать.

Хотя понимала, что оставаясь, я только себя мучила.

В очередное утро я спустилась на кухню раньше обычного.

Вадим был уже там.

Стоял у плиты, спиной ко мне, в домашних шортах, без футболки и босиком.

Жарил яичницу, пахло кофе и тостами.

Я замерла, как мышка, в дверях и решила уйти, чтобы он не заметил.

Но в этот момент Вадим обернулся.

- Доброе утро, - сказал он ровно.

- Доброе утро, - я не двигалась с места, как жулик, застуканная на месте преступления.

- Садись, яичница почти готова.

- Я не хочу есть.

- Врешь.

- Нет, с чего ты взял, - на самом деле в животе уже предательски урчало.

- Потому что ты всегда хочешь есть по утрам, - он перевернул шкворчащую яичницу лопаткой, - Садись, Лина. Не усложняй.

Села на самый крайний стул, натянув край халата на голые коленки.

Он поставил передо мной тарелку и налил кофе.

Сел напротив, туда где сидел всегда.

От яичницы шел пар, аромат кофе и жареных тостов еще больше разжигал аппетит.

Вадим взял вилку и нож и принялся за трапезу.

- Как спала? - спросил он, прежде чем положить в рот первый кусок.

- Да так, пойдет. Ты тоже плохо спал?

- Я никогда не сплю толком.

- Раньше спал.

- Раньше ты была рядом.

Я отодвинула тарелку, задев кружку с кофе, чуть не пролив его.

- Прекрати.

- Что прекрати?

- Говорить такие вещи.

- Какие? Правду?

- Твоя правда ничего не меняет, - я встала, - Мы разведены, Вадим. Ты больше не имеешь право говорить мне про свои чувства?

- А ты имеешь право запрещать мне говорить? - он тоже встал.

- Имею. Я твоя бывшая жена. И хочу…хочу, чтобы ты держался подальше от меня.

Он шагнул ко мне, я шагнула назад и уперлась спиной в холодильник.

- Держаться подальше? - его голос стал ниже, его глаза смотрели прямо в мои, - Лина, мы живем в одном доме. И я слышу, как ты плачешь по ночам. Я знаю, что ты спишь в моей футболке…

Меня как будто ударило током.

- Откуда ты…

- Я заходил в твою комнату, когда тебя не было, - он не дал мне договорить, - не воровать, не рыться. Просто, подышать тобой.

- Ты не имел права!

- Я имею право на все, что угодно в своем доме, - Вадим подошел вплотную, - Но я ничего не взял, ничего не тронул. Просто побыл в твоей комнате.

Я толкнула его в грудь, широкую и сильную. Он даже не пошелохнулся .

- Ты чудовище.

- Я знаю.

- Ты не должен был этого делать, и говорить мне это.

- А я должен был молчать? Пока ты строишь из себя железную леди, а по ночам рыдаешь в подушку?

- Откуда ты…, - я еле сглотнула от злости.

- Я же сказал, я слышу, - он взял меня за плечи, крепко, властно, но не больно, - Каждую ночь, Лин. И схожу с ума, потому что не могу войти, обнять тебя и сказать, что все будет хорошо.

- Не будет хорошо, - прошептала я, - Ты разрушил все, что у нас было и теперь уже ничего не исправить.

- А может я не хочу ничего исправлять? - вдруг сказал Вадим, глядя на меня пристальным взглядом.

Я подняла на него голову и недоумевающе посмотрела.

- Что?

- Если я не хочу возвращать то, что было? Если я хочу построить что-то новое? С нуля. как будто мы только встретились и полюбили друг друга.

- Ты бредишь, Вадим, - я приложила руку ко лбу и прикрыла глаза.

- Я говорю то, что думаю, - он отпустил мои плечи и отступил на шаг, - Я изменил тебе, я разрушил нашу семью. Я козел, слов нет. Но я хочу попробовать снова. Я люблю тебя, не женщину, с которой прожил пять лет, а тебя. Лину, которая сейчас стоит передо мной и смотрит так, будто хочет убить.

- Хочу, - сказала я, чувствуя, как мои щеки горели пунцом,- И не только убить.

- Что еще?

Я осеклась, не ответив ему ничего.

Потому что не могла ему сказать, что хочу его, по-прежнему, после всего.

До дрожи в коленях, до боли внизу живота.

- Иди к черту, - выкрикнула я и выбежала из кухни.

Сердце заходилось в груди так, что я не могла нормально дышать.

Я вышла в сад и села на скамейку, поджав ноги и обхватив их руками.

Солнце светило во всю, в листве деревьев заливались птицы, а где-то в траве стрекотали кузнечики.

Вдохнула свежий воздух и немного пришла в себя.

Он был прав, я не могла его забыть, не могла отпустить.

Не могла даже выбросить эту чертову футболку, которую надела сегодня ночью.

Я ненавидела его и любила одновременно.

И не знала, как жить с этим.

Сегодня был мой день по расписанию, когда бассейн был в полном моем распоряжении.

По расписанию, которое мы придумали сами в начале нашего “соседства”.

Жара стояла уже с самого утра.

Я решила отвлечься и искупаться.

Поднявшись к себе, я переоделась в купальник и спустилась к бассейну.

Слава богу, Вадима я в доме не увидела.

Вода была, как молоко, я медленно проплыла до другого бортика с большим удовольствием.

Влажная прохлада расслабляла мои напряженные мышцы.

Но, когда я повернулась, чтобы плыть обратно, то увидела его.

Он стоял в купальных боксерах ярко- голубого цвета, весь загорелый и статный.

Его величественная фигура с накаченным прессом и ногами сейчас казалась еще больше.

Какой же он красивый, гад.

- Сегодня не твой день, - со злостью сказала я.

- Сегодня мой день, - он держал в руках бокал с холодным напитком, из бокала торчала трубочка и по стенках стекали капли, как роса, - Ты ошиблась расписанием.

Я была обескуражена.

Точно, я перепутала дни.

Сегодня среда, а я подумала, что вторник.

Я пришла не в тот день.

Но отступать было поздно.

- Уйди, пожалуйста, - попросила я.

- Это мой день, Лин.

- Ну я прошу тебя, видишь, я уже плаваю.

- Ну, давай тогда нарушим правила, раз ты перепутала дни, а я пришел как положено, - он отставил запотевший стакан.

- Зачем? - спросила я, понимая, что хочу, чтобы он остался.

- Потому что я хочу смотреть на тебя…и побыть рядом, - его хищный взгляд прожигал меня.

Я стояла в бассейне, покрытая вся мурашками от прохладной воды и от его наглости.

Он вошел в бассейн.

Вода заколыхалась от его погружения.

Вадим не сводил с меня голодных глаз.

- Ты так и будешь пялиться на меня? - чувство стыда и кокетства боролись во мне, как соперницы.

- Всю жизнь, - сказал он, сглотнув, - Если бы ты позволила.

Он нырнул и, как хищная, быстрая акула, в миг оказался рядом со мной.

Когда он вынырнул, то оказался вплотную со мной, как выросшая скала.

С его лица быстрыми струями стекала блестящая вода, дыха

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.